

Игорь Андреевич Исаев

(Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)

Нормативные структуры и «социально-хозяйственное назначение имущественных прав»

Normative Structures and “the Socio-Economic Purposes of Ownership Laws”

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется процесс формирования основных начал гражданского права в Советской России 20-х годов. Принципиальные и декларативные положения, которые использовал законодатель, оказали заметное влияние на те тенденции, которые сформировались в гражданском и, рожденном в этот период, хозяйственном праве. Социально-политическая окраска правовых норм особенно ясно проявилась в формировании т.н. «декларативных статей» ГК. Большое внимание было уделено таким вопросам юридической техники, языку и способам правоприменения, которые были выработаны в 20-е годы, но существенно повлияли на дальнейшее развитие гражданского права России.

Ключевые слова: право, закон, имущество, споры, декларация, власть, форма права, регулирование, правовая техника

Двадцатые годы явились периодом интенсивной теоретической и кодификационной работы. Были приняты и вступили в действие Гражданский, Уголовный, Земельный, Гражданско-процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы, Кодекс законов о труде, разработаны проекты Хозяйственного, Торгового, Промышленного, Кооперативного кодексов. Сложные практические задачи мирного строительства обусловили необходимость формирования и стабилизации новой системы права, выработки точных правовых форм и институтов, механизмов правового регулирования. Особая роль отводилась разработке гражданского законодательства, нормировавшего основные направления восстановительной хозяйственной работы.

В данных условиях необходимо было решить проблему источников советского права, проблему юридической техники. От этого в зна-

чительной степени зависела эффективность гражданско-правового регулирования хозяйственных отношений и процессов.

Первый советский гражданский кодекс был создан в рекордно короткие сроки, что объяснялось прежде всего острой потребностью народнохозяйственного строительства в системе регулирующих норм. Но в процессе работы над кодексом советские правоведы столкнулись, в частности, с негативным отношением некоторых юристов-практиков и теоретиков к кодификационной работе вообще. Возражения строились на неверном и утопическом предположении, будто бы в условиях переходного периода (когда базисные экономические отношения стремительно изменяются) принципиально невозможно создать какую-либо устойчивую и стабильную систему правовых норм. А в качестве критерия эффективности регулирования хозяйственных отношений предлагалась так называемая техническая целесообразность, действующая посредством организационно-технических (неправовых) норм¹. Такой подход, как полагали его сторонники, мог содействовать преодолению стихийного роста массы различного рода нормативных предписаний, постановлений, декретов, актов и пр., вызванного активизацией народнохозяйственной деятельности в первые годы восстановительного периода².

Точная разработка нормативных аспектов права требовала от правоведов тщательного выявления основных противоречий, содержащихся в издаваемых нормативных актах. Исследователи, анализировавшие ГК РСФСР, отмечали, что наибольшее число погрешностей при кодификации было допущено вследствие неточного указания на природу той или иной нормы, нечеткости юридической терминологии или слишком казуистического характера нормативных предписаний. Однако в коллизионных ситуациях нормативный анализ оказывался явно недостаточным, и суд должен был исходить из того положения, что все нормы советского права, оставаясь теоретически «равноприемлемыми», могут дифференцированно применяться на

¹ М.С. Строгович, *У истоков советской юридической науки*, „Социалистическая законность“ 1957, 10; И.В. Павлов, *О развитии советской правовой науки за сорок лет*, „Советское государство и право“ 1957, 11; А.С. Плотниекс, *Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР (1917–1936)*, Рига 1978; А.И. Ющик, *К вопросу о формировании понятия права в советской юридической науке*, В кн.: *Проблемы правоведения*. Вып. 39, Киев 1978; И.А. Исаев, *Проблемы правовой формы в советской юридической науке 20-х годов*, „Известия Высших учебных заведений. Правоведение“ 1983, 2.

² Н. Ванин, *Формы права, нормирующие гражданские взаимоотношения*, „Право и жизнь“ 1927, 3, с. 67; Э. Понтович, *Закон и директивы*, „Советское строительство“ 1929, 8, с. 18.

практике в соответствии с мотивом хозяйственной целесообразности³. Однако практика постоянно вносила новые дополнения и поправки, и законодатель был вынужден учитывать их, корректируя уже действующие нормы, приводя их в соответствие с вновь возникающими ситуациями.

Одним из технических приемов упрощения юридической техники стало сокращение количества примечаний в тексте закона. Многочисленные примечания неизбежно порождали коллизионные ситуации в самой его внутренней структуре; чрезмерное их накапливание свидетельствовало о назревшей необходимости создания новых норм, которые необходимо было приводить в соответствие с уже существующими.

Способы рационального конструирования норм могли быть различными. Исследователи гражданского законодательства отмечали, что если в 1921–1923 гг. законодатель стремился по возможности упростить систему нормативных актов, регламентирующих хозяйственную жизнь, то уже в 1923–1924 гг. в развитии хозяйственного законодательства наметились противоположные тенденции, что в свою очередь не могло не сказаться на усложнении структуры и языка правовых норм. Указывалось также на громоздкость некоторых статей ГК РСФСР.

Усложнение хозяйственной ситуации (появление новых организационно-хозяйственных норм и связей, развитие товарно-денежного оборота, систем налогообложения и кредитования и пр.) потребовало увеличения числа регламентирующих норм и указаний. Межсекторные и внутрисекторные хозяйственные отношения должны были регулироваться особыми наборами нормативных актов. Поэтому законодатель стремился решить все эти задачи прежде всего наращиванием количества нормативных предписаний, чтобы охватить максимально большее число ситуаций и случаев.

Однако, по мнению многих исследователей 20-х годов, законодательству вовсе и не следует стремиться к абсолютной, текстуальной беспробельности закона:

Развитие нашего законодательства в направлении большей полноты и детальности и возможной беспробельности должно встречать известные границы в некотором предельном накоплении законодательного материала, дальнейшее увеличение которого имело бы больше вредных, чем полезных последствий. Поэтому целью советского законодательства должна стать выработка только основных контуров

³ И.О. Перетерский, *О необходимости кодификации коллизионных норм*, „Советское право“ 1927, 4, s. 111.

нашего правового строя и предоставления суду [...] приспособления этих основ к конкретным отношениям⁴.

Предполагалось, что в самой сфере правоприменения найдутся критерии, с помощью которых могут быть вычленены принципиальные и вспомогательные нормы; самой практике предоставлялась возможность конкретизировать в реальных ситуациях принципы, сформулированные законодателем.

Соответственно разделению норм по степени их важности они дифференцировались также и по принципу обязательности: на диспозитивные и принудительные – чем шире была автономия сторон в гражданском правоотношении, тем большее число норм, регулирующих его, являлись диспозитивными. Наоборот, по мере так называемой социализации гражданского права (т.е. проникновения в него плановых начал) возрастало число «принудительных» норм. В связи с наметившимся процессом постепенного вычленения из нормативного массива группы таких норм, некоторые правоведы предлагали рассматривать социальную функцию наших законов в качестве «канвы права», т.е. только одного из способов «возможного решения дел». С этой точкой зрения, деление норм на «принудительные» и диспозитивные имело относительное значение, однако, признавалось необходимым, так как «нельзя относить все вопросы о толковании норм лишь к судебному усмотрению; до суда доходят лишь некоторые (немногочисленные) дела, и потому является уместной постановка общетеоретических вопросов для руководящих лиц, совершающих какую-либо сделку, и внесудебных органов, соприкасающихся с применением права»⁵. Таким образом предлагалось рассматривать и «принципиальные» и «принудительные» нормы как обязательные для судебной практики указания. В этом подходе проявилась установка на более жесткое и системное нормирование отношений, регламентируемых гражданским законодательством, а обязательность нормативных предписаний оттесняла на второй план и правоприменительное толкование, и принцип целесообразности.

Гражданский кодекс, кроме того, содержал нормы определительные, декларативные, истолковательные и организационные. Для них не подходил предложенный способ деления норм только на принудительные и диспозитивные. Их действие было ограничено предела-

⁴ С. Раевич, *О внешней стороне гражданского кодекса (способ изложения, система и объем его)*, „Советское право“ 1926, 4, с. 54, 56.

⁵ И.С. Перетерский, *Принудительные и диспозитивные нормы в обязательном праве гражданского кодекса*, „Советское право“ 1924, 4, с. 72–73.

ми, в которых возникают и фиксируются некоторые конкретные отношения, в связи с чем их нельзя было признать цивилистическими в прямом смысле слова.

Но ГК РСФСР содержал и нормы другого рода – либо определенно принудительные (например, об обязательной форме сделки – ст.ст. 138, 156, 162, 213, 216 ГК РСФСР и др.), либо строго диспозитивные, в которых сторонам предоставлялся простор для хозяйственной инициативы (например, ст.ст. 112, 134, 140, 143, 168 ГК РСФСР и др.).

В конечном счете противопоставление принудительных и диспозитивных норм основывалось на соотношении непосредственных предписаний закона и «воли сторон» (автономии). Характерным для способа решения дел, принятым в ГК РСФСР, было правило, согласно которому только прямое указание закона на диспозитивность данной нормы делает ее таковой: диспозитивными являлись нормы, представлявшие возможность «иного соглашения» (в обязательственном праве); все прочие нормы, по общему правилу, считались принудительными. Устанавливаемый здесь принцип специальной правоспособности оказывался непосредственно связанным с идеей социально-политической обусловленности каждой конкретной нормы права. При выделении принудительных и диспозитивных, принципиальных и вспомогательных норм законодатель прежде всего учитывал социально-хозяйственное назначение устанавливаемых прав – «диспозитивность норм в ГК может иметь место в особых случаях, когда она имеет положительное значение с точки зрения общих задач нашего законодательства»⁶.

Включение в норму «внеправовых факторов», таких, как целесообразность (в особенности хозяйственная), социально-хозяйственное назначение предоставленных прав и т.п., существенно трансформировало всю систему правовых источников и методологию советского правового исследования: очевидная ориентация права на экономику и социологию стала одним из основополагающих принципов советского правоведения в 20-е годы. Как отмечал П.И. Стучка, одним из важнейших критериев, используемых законодателем при создании соответствующих правовых норм, явилось «развитие производительных сил страны»⁷.

Комментаторы Гражданского кодекса неоднократно отмечали, что вопросы юридической техники в этом документе тесно перепле-

⁶ *Ibidem*, s. 79.

⁷ П.И. Стучка, *Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права*, Рига 1964, s. 385.

тались с вопросами социально-хозяйственной политики, основные цели которой в значительной мере определяли и конкретные формы правовых текстов. Однако существенным затруднением на пути наиболее адекватной текстуализации закона являлись неразвитость основных правовых институтов (что в свою очередь было связано с неразвитостью соответствующих правоотношений) и недостаточное совершенство юридической техники.

В период создания ГК РСФСР ряд хозяйственно-правовых институтов (например, тресты, синдикаты, некоторые организационные формы кооперации и др.), только что оформившихся, еще не получили достаточного юридического оформления. Отчасти поэтому в качестве типичного субъекта гражданских правоотношений составителям кодекса мыслился «хозяйствующий индивид – частное лицо или товарищество, по своей юридической форме ничем или почти ничем не отличающиеся от своих прообразов в буржуазно-капиталистическом праве». Но и позже, когда хозяйственная ситуация 1921–1922 гг. существенно изменилась, такие представления продолжали существовать и препятствовали появлению в ГК РСФСР новых начал систематизации, расчленения и расположения нормативного материала, которые были бы в корне отличны от принципов, заимствованных из буржуазного права. Негативному отношению некоторых правоведов и практиков к задачам общей систематизации и кодификации в значительной мере способствовали взгляды о скором отмирании гражданского права, отождествляемого ими с буржуазным правом вообще.

Во всяком случае становилось очевидным, что гражданское законодательство необходимо приспособить к новым социально-экономическим условиям. Так, одним из важных явлений юридической и хозяйственной практики стала в этот период постепенная замена ведущей роли, которую всегда играло в гражданском законодательстве физическое лицо, главенствующим положением коллективных (юридических) лиц, что не могло не сказаться на задачах и методах созидания новой системы гражданского права. Однако, как отмечали критики ГК РСФСР:

[...] система и редакция нынешнего кодекса повсюду пронизаны следами [...] представлений, выросших в иной социально-исторической обстановке. Так, например, грамматическая форма большого количества статей ГК такова, что нормальным субъектом [...] мыслится именно физическое лицо, а на предприятия или учреждения эти статьи распространяются постольку, поскольку их можно в иносказательном смысле подвести под соответствующее описание обстоятельств (ст.ст. 4–5, 32–33 ГК и др.)⁸.

⁸ С. Раевич, *op. cit.*, s. 49–50.

Что касается сферы обязательственного права, то ГК РСФСР ставил на первое место среди источников возникновения обязательств договор, причем авторы кодекса стали применять понятие «договор» даже к таким отношениям, в которых «все или почти все содержание определялось не соглашением сторон, а извне».

Ряд критических предложений, выдвинутых уже в середине 20-х годов, касался структуры самого кодекса. Принятое многими правоведами деление статей на принципиальные и вспомогательные способствовало формированию определенных взглядов на структуру ГК – предполагалось выделить в кодексе группу основных статей, непосредственно выражавших социально-экономические задачи нового гражданского права и, тем самым, корректировавших социальные функции, которые должны выполнять другие статьи кодекса (внешне напоминающие соответствующие нормы старого буржуазного права). При этом критики ГК РСФСР указывали, что в нем имеются лишь две статьи, формулирующие начала советского гражданского законодательства: о применении гражданского законодательства на практике и о нормировании общего порядка решения споров⁹. Сама структура кодекса должна была непосредственно отражать реальную структуру производственных отношений (вспомним определение, данное П.И. Стучкой гражданскому кодексу, – «переложенная в параграфы экономическая политика»)¹⁰. Чтобы сохранить более тесную связь права с экономикой, предлагалось распределить нормы кодекса по группам, соответствующим четырем основным элементам общественного производства: собственно производство, обмен, распределение и потребление. Однако теоретически верное, такое деление норм было неудобным на практике и более приемлемым оказалось деление норм всего лишь на две группы: «правоотношения по поводу присвоения средств производства и потребления» и «правоотношения по поводу обмена товаров и услуг». Следует отметить, что по формально-юридическому признаку это деление совпадало с прежним делением права на вещное и обязательственное¹¹.

Отмечалось даже, что кодекс имел еще один недостаток – взаимное дублирование отдельных норм, размещенных в его различных разделах. Указывалось на неоправданное структурное обособление части общих установлений (об объектах права) от норм, регламентирующих

⁹ Я. Берман, *Марксизм и гражданский кодекс*, „Советское право“ 1922, 3, s. 16; А. Добров, *Статья первая Гражданского кодекса*, „Право и жизнь“ 1927, 1, s. 11.

¹⁰ Ф. Корнилов, *Природа гражданских правоотношений Советской России*, „Право и суд“ 1925, 1, s. 30.

¹¹ Я. Берман, *op. cit.*, s. 99.

различные виды собственности (ст.ст. 22–24 и ст.ст. 53–57 ГК РСФСР), а также на отрыв общих правил о сделках от конкретных норм обязательственного права (в связи с этим отмечалась неправомерность введения гл. IV в Общую часть кодекса); нормы, включенные составителями в Общую часть, оказались вовсе не универсальным, как это предполагалось, и определенно тяготели к сфере обязательственного права (например, ст.ст. 29, 33 ГК РСФСР и др.). Чтобы избавиться от указанного параллелизма, некоторые правоведы предлагали вовсе отказаться от элементов пандектной системы, воспринятой ГК РСФСР, ликвидировать Общую часть кодекса и ограничиться только «небольшим вводным разделом», в котором нашли бы место «немногие наиболее важные положения»¹². Кроме того, как отмечали исследователи, «единая общая часть всякого кодекса [...] чревата опасностями возврата к чисто формальной логике», а поэтому в ГК она должна быть сведена к минимуму (что соответствовало бы, по мнению сторонников этой точки зрения, общей тенденции советского права развиваться от абстрактных положений к конкретным правилам)¹³.

В ходе дискуссии о путях создания наиболее рациональной структуры ГК выявилась вполне определенная необходимость в усилении новых социальных акцентов гражданско-правового нормирования, что в значительной мере могло быть достигнуто посредством совершенствования самой техники построения системы гражданско-правовых норм, и выработки некоторых общих принципов, пронизывающих и структурирующих эту систему.

Гражданский кодекс содержал в себе ряд принципиальных статей общего характера, придающих ему структурное единство и определенную социальную окраску. В этой связи исследователи чаще всего называли ст.ст. 1 и 4 ГК РСФСР, хотя общепринятой оценки значения этих статей для всей системы кодекса так и не было выработано. Некоторые правоведы, сопоставляя положения обеих статей, видели в них гарант решения основной задачи кодекса – развития производственных сил страны (А. Гойхбарг, А. Валицкий, В. Сливицкий и др.). Другие же – только средство предотвращения злоупотреблений правом и уклонов в сторону частнохозяйственных целей (А. Гуляев, С. Аскназий, Я. Канторович и др.).

Много споров вызывала редакция ст. 1 ГК РСФСР. Ее редакционные недостатки затрудняли применение этой нормы на практике. Прежде всего достаточно неопределенным представлялось выраже-

¹² С. Раевич, *op. cit.*, s. 52.

¹³ П.И. Стучка, *op. cit.*, s. 60.

ние «социально-хозяйственное значение гражданских прав»; для его уточнения вносились предложение выработать более специальный критерий, включив его в текст закона (некоторые правоведы предлагали даже расшифровать в кодексе экономические формы назначения этих прав), очертив применение ст. 1 точными юридическими признаками. В качестве альтернативного варианта предлагалось вообще вынести положение ст. 1 в текст... Конституции (в качестве «общих принципов»), чему могли бы способствовать такие ее (ст. 1 ГК РСФСР) качества, как универсальность и способность к реализации посредством других, связанных с нею норм.

На практике положение о социально-хозяйственном назначении прав, по мнению исследователей, было вполне применимо и в иных отраслях права, смежных с гражданскими (например, в ст.ст. 60–61 Земельного кодекса, в ст. 137 УК РСФСР и др.)¹⁴. В этой связи указывалось на возможность «сближения принципов» ГК РСФСР и УК РСФСР.

Другие авторы, напротив, считали необходимым сохранить ст. 1 в составе ГК РСФСР, мотивируя эту позицию тем, что в ст.ст. 1 и 4 ГК РСФСР были «введены внеправовые начала и в качестве критериев для правового воздействия применяются социально-экономические внеправовые факторы». Связанная с этим гибкость норм дает судьям значительный простор для правотворчества. Жестко же определенное и фиксированное предписание, выраженное в точном указании на социально-хозяйственное назначение конкретных прав и институтов, привело бы к разрыву с этим внеправовыми факторами и преждевременно ликвидировало бы «правовой релятивизм», свойственный, по мнению многих правоведов, праву переходного периода. Следует, таким образом, или отказаться от принципа, выраженного в ст. 1 ГК РСФСР, или прийти к выводу, что не следует создавать такие регулятивные нормы, которые давали бы строго юридические критерии для определения соответствия прав их социально-хозяйственному назначению.

В процессе применения ст. 1 прежде всего следовало выяснить объективное народнохозяйственное значение тех или иных субъективных прав, защищаемых законом, соотнося их с общей целью правовой политики и всей социально-экономической конъюнктурой. При этом вовсе не требовалось, чтобы каждая конкретная сделка непосредственно способствовала развитию производственных сил всего народного хозяйства. Она лишь должна соответствовать основным направлениям государственной политики в этой области, что и обя-

¹⁴ Я. Кантарович, *Первая статья гражданского кодекса*, „Право и жизнь“ 1925, 2–3, с. 10–11.

зан был выяснить суд в каждом конкретном случае. Схематично эту тенденцию (выявляемую в области уголовного права по аналогии, отмеченной П.И. Стучкой) можно охарактеризовать как переход от казуального подхода в решении дел к единообразному их решению, скорректированному классовыми критериями.

Именно поэтому ГК РСФСР и должен был рассматриваться как полный и окончательный набор правил (так как только при таком условии ст. 1 могла играть роль фильтра, «бракующего» неприемлемые правомочия и сделки). Даже закрепленные в законе имущественные права, если на практике они осуществлялись в противоречии с их социально-хозяйственным назначением, на основании ст. 1 могли быть аннулированы.

К нежелательным последствиям могло привести и расширительное толкование ст. 1 ГК РСФСР, основанное на недостаточно точном разграничении социально-хозяйственного назначения определенных имущественных прав и имуществ: либо ослаблению роли законодательства как «технического средства регулирования» либо подрыву стабильности всего имущественного оборота.

«Декларативные» статьи ГК РСФСР играли важную роль корректива, связующего всю систему кодекса звена. Введение их в кодекс свидетельствовало об определенном согласовании таких правотворческих принципов, как законность (нормативность) и целесообразность.

Однако еще один важный идеологический фактор определял в тех условиях возможность самого существования и стабильности законченной системы гражданского права: это – известная ориентация правовой теории, а подчас и законодателя, на относительность и временный характер права переходного периода. Приняв эту установку, некоторые правоведы рассматривали правовую форму вообще (и в особенности ее нормативные элементы) как скоро преходящее явление, имеющее «одинаковый характер со всей социально-экономической политикой...», которая вся рассматривается в аспекте этого перехода». И если в буржуазном праве «переходность» остается вне сферы права (в политике, экономике, но не в правовой норме), то в советском праве переходного периода она непосредственно отражена в самом законе, лишая его признаков абсолютности и вечности, а нормативно-технически выражается в том, что советское право вводит неправовую цель в самое содержание нормы (например, ст.ст. 1, 4 ГК РСФСР; ст.ст. 6, 9–10 УК РСФСР; ст.ст. 4, 254 ГПК РСФСР и др.).

Если рассматривать социальную роль права с этой точки зрения, то на первый план выдвигается его значение как техники организации социальных отношений (динамический аспект) и формы орга-

низации этих отношений (статический аспект). Причем право здесь понимается не как идеологическое или нормативная система, не как единство этих элементов с внеправовыми проекциями, как комплекс, на который «право направлено». Противоречие между свойством права замыкаться в себе, быть самодовлеющим и включением в правовую систему внеправовых элементов разрешается путем «дезаурирования права», развитием точки зрения на права как на технику.

Прогнозы о скором отмирании гражданского права не подтвердились. Гражданский кодекс РСФСР, принятый 1922 г., просуществовал более сорока лет. Это свидетельствует о том, что в нормах, выработанных советским законодателем в самом начале 20-х годов, содержались вполне объективные и основополагающие цели и задачи, отражавшие реальные потребности социалистической экономики.

Острые теоретические дискуссии 20-х годов, разворачивавшиеся вокруг ГК РСФСР, сыграли определенную позитивную роль.

Практика показала ошибочность оценок Гражданского кодекса как временного собрания правил и норм, действующих только в условиях переходного периода (когда в народнохозяйственной системе наряду с социалистическими хозяйственными элементами действовали факторы иного социального порядка). Исчезли со временем и связанные с этой установкой нигилистические представления по вопросу о дифференциации и классификации гражданско-правовых норм на более и менее важные, на собственно правовые и технические, о превращении права в технику и пр.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- Берман Я., *Марксизм и гражданский кодекс*, „Советское право“ 1922, 3.
 Вавин Н., *Формы права, нормирующие гражданские взаимоотношения*, „Право и жизнь“ 1927, 3.
 Добров А., *Статья первая Гражданского кодекса*, „Право и жизнь“ 1927, 1.
 Исаев И.А., *Проблемы правовой формы в советской юридической науке 20-х годов*, „Известия Высших учебных заведений. Правоведение“ 1983, 2.
 Кантарович Я., *Первая статья гражданского кодекса*, „Право и жизнь“ 1925, 2–3.
 Корнилов Ф., *Природа гражданских правоотношений Советской России*, „Право и суд“ 1925, 1.
 Павлов И.В., *О развитии советской правовой науки за сорок лет*, „Советское государство и право“ 1957, 11.
 Плотниекс А.С., *Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР (1917–1936)*, Рига 1978.
 Ющик А.И., *К вопросу о формировании понятия права в советской юридической науке*, В кн.: *Проблемы правоведения*. Вып. 39, Киев 1978.
 Перетерский И.С., *Принудительные и диспозитивные нормы в обязательном праве гражданского кодекса*, „Советское право“ 1924, 4.

- Перетерский И.О., *О необходимости кодификации коллизионных норм*, „Советское право” 1927, 4.
- Понтович Э., *Закон и директивы*, „Советское строительство” 1929, 8.
- Раевич С., *О внешней стороне гражданского кодекса (способ изложения, система и объем его)*, „Советское право” 1926, 4.
- Строгович М.С., *У истоков советской юридической науки*, „Социалистическая законность” 1957, 10.
- Стучка П.И., *Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права*, Рига 1964.

ABSTRACT

The article studies the process of formation of the main principles of civil law in Soviet Russia of the 1920s. The principled and declarative provisions that the legislator used significantly influenced the tendencies that emerged in the civil and economic law that was created during this period. Socio-political dimension of the legal norms was particularly clearly manifested in the formation of the so-called “Declarative articles” of the Civil Code. Much attention was paid to such issues of legal technique, language and methods of law enforcement that were developed in the 1920s, but significantly influenced the further development of civil law in Russia.

Key words: law, property, disputes, declaration, power, form of law, regulation, legal technique

Struktury normatywne i „społeczno-gospodarcze przeznaczenie praw własności”

STRESZCZENIE

W artykule poddano analizie proces tworzenia się podstaw prawa cywilnego w Rosji Radzieckiej lat dwudziestych ubiegłego stulecia. Przepisy główne oraz deklaratywne, które wykorzystał prawodawca, miały wyraźny wpływ na te tendencje, które wytworzyły się w prawie cywilnym oraz powstającym w tym czasie prawie gospodarczym. Społeczno-polityczne zabarwienie norm prawnych uwidocznili się szczególnie wyraźnie w sformułowaniu tzw. artykułów deklaracyjnych Kodeksu cywilnego. Największą uwagę poświęcono takim zagadnieniom techniki prawniczej oraz językowi i sposobom egzekwowania prawa, które opracowano w latach dwudziestych, ale które znacząco wpłynęły również na dalszy rozwój prawa cywilnego w Rosji.

Słowa kluczowe: prawo, ustawa, majątek, spory, deklaracja, władza, forma prawa, regulacje, technika prawnicza

NOTA O AUTORZE

Игорь Андреевич Исаев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: kafedra-igp@mail.ru